

Ся Чжинянь, чьи щеки все еще пылали нездоровым румянцем, с трудом разлепил затуманенные глаза. Взор его, ясный и вместе с тем расфокусированный, остановился на склонившейся над ним фигуре.

— ...Янь Цы? — голос прозвучал тихо и неуверенно.

Янь Цы замер, его пальцы на мгновение зависли в воздухе, после чего он отвернулся, чтобы поправить сползшее одеяло.

Пусть будет так. Успею еще попробовать, когда он окончательно придет в себя.

Янь Цы опустил взгляд и коротко отозвался:

— Спи.

Когда Ся Чжинянь проснулся, в палате он был один. Ветер за окном колыхал синие шторы, а металлические зажимы на стойке для капельницы тихонько позвякивали. Белоснежные стены, запах антисептиков и давящая тишина вокруг.

Ся Чжинянь огляделся, его взгляд на секунду остекленел, но затем он, опираясь на слабые ноги, спустился с кровати и направился к выходу.

Дверь со скрипом отворилась, и он едва не столкнулся с человеком, стоявшим по ту сторону.

Янь Цы перевел взгляд на него, внимательно вглядываясь в пустые глаза юноши. Он потер зудящие кончики пальцев и мягко, словно выточенный из нефрита, спросил:

— Студент Ся? Вам лучше?

Ся Чжинянь пару секунд смотрел на него с недоумением, затем, заметив через открытую дверь дежурного врача, вернулся на кровать и лишь спустя время пришел в себя:

— Все в порядке.

Ся Чжинянь не понимал, что пошло не так и почему отношения между двумя главными героями стали такими натянутыми, поэтому решил вернуться в класс и понаблюдать за ситуацией.

Однако после того как он выбрался из погреба, он пролежал в больнице с температурой, а на второй день после выписки снова заболел. Чу Цинцзянь позвонил Цзян Юань, и Ся Чжиняня принудительно отправили домой на поправку.

Едва переступив порог, Ся Чжинянь увидел в гостиной на диване статного молодого человека в строгом деловом костюме. Его лицо было холодным, а от взгляда узких фениксовых глаз, казалось, веяло ледяным холодом.

— Вернулся.

Ся Чжинянь запнулся:

— ...Брат? Старший брат?

С момента попадания в книгу он впервые видел брата оригинала. В романе о нем было мало упоминаний, да и сам герой почти не общался с ним, зная лишь, что этот человек холоден и опасен.

— Не стой, садись. Есть разговор.

Ся Вэньхань слегка приподнял подбородок, указывая на кресло напротив.

Родителей дома не было, в гостиной остались только они двое. Ся Чжинянь не умел общаться со старшими, а с родственниками оригинала — и подавно. Он хотел было сослаться на плохое самочувствие и сбежать в свою комнату, но, встретившись взглядом с Ся Вэньханем, почувствовал, как сердце ушло в пятки, и медленно поплелся к дивану.

Сейчас, когда жар спал, лицо Ся Чжиняня больше не пылало, приобретя болезненную бледность, а губы стали совсем светлыми, но в целом он выглядел неплохо.

Ся Вэньхань пронзительным взглядом окинул младшего брата:

— Вчера промок под дождем и поэтому слег с температурой?

Ся Чжинянь послушно кивнул:

— Да.

— Мама сказала, что ты брал зонт. Где он?

— Потерял...

Ся Вэньхань холодно хмыкнул, не меняясь в лице.

— ... — Ся Чжинянь вздрогнул, его голос стал тише, он втянул голову в плечи: — ...Одолжил человеку.

— Ребенку из семьи Чу?

— ...Да.

Ся Вэньхань холодно разглядывал его:

— Тогда почему ты не следовал за ним по пятам и не пошел под одним зонтом?

Ся Чжинянь: «...»

Значит, брат уже в курсе дел оригинала.

В оригинальном тексте семье Ся уделялось мало внимания, и воспоминаний о совместной жизни у него не было. Ся Чжинянь не знал, как реагировать, поэтому забился в угол дивана, стараясь быть тише воды, ниже травы, в надежде, что его примут за молчаливого и замкнутого оригинала.

Ся Вэньхань смотрел на него с ледяным спокойствием. Вспоминая все, что ему удалось разузнать, он чувствовал, как внутри закипает ярость, которую приходилось сдерживать изо всех сил.

— Ся Чжинянь, родители жалеют тебя, ведь ты столько лет страдал на чужбине, и не могут набраться духу проучить тебя. Если они не занимаются твоим воспитанием, это буду делать я.

Ся Вэньхань сжал губы в тонкую линию, его голос прозвучал ледяным тоном:

— Пока они не знают о тех глупостях, что ты натворил. Если ты еще хоть раз посмеешь таскаться за кем-то или доставлять людям неприятности, забудешь дорогу в школу. Будешь заниматься с частными учителями дома, чтобы не мешать другим.

Ся Чжинянь мысленно вздохнул, опустив голову и теребя край одежды.

— Семья Ся не та, что терпит подобные сплетни. Будьте осторожнее в словах.

Вокруг воцарилась тишина. Кто-то попытался отшутиться:

— Да мы просто шутим! Говорят, этот младший господин Ся любит доставлять неприятности господину Яню...

Он покосился на Янь Цы и внезапно осекся.

Янь Цы, высокий и статный, стоял у дивана, и его привычная маска добропорядочности, казалось, приросла к лицу.

Ся Чжинянь был поражен. Он давно заметил, как к этому углу постоянно кто-то подходил, и ожидал чего-то подобного, но никак не думал, что Янь Цы — этот черный кунжутный шарик — вступится за него.

У Ся Чжиняня были довольно светлые волосы, которые под лампами казались особенно мягкими, а янтарные глаза — прозрачными и чистыми, словно драгоценный камень, не знающий земной пыли, или глазурь, парящая над суетой.

Помолчав, он тихо поднялся и, не обращая внимания на любопытные взгляды, вышел из банкетного зала.

Янь Цы смотрел ему вслед. Спустя долгое время он вдруг дернул уголком губ и методично поправил манжеты.

Кончики пальцев коснулись бледного запястья, вызывая острую, словно разъедающую нервы боль.

Когда люди разошлись, Ся Чжинянь бросил взгляд на Ся Вэньхана, который все еще с кем-то беседовал, и направился в небольшой сад.

Несколько дней назад, когда он брал отгул, ему не удалось поговорить с главным героем-атакующим и прояснить ситуацию с Янь Цы. Сегодня, придя в дом семьи Чу, он надеялся объясниться, но Чу Цинцзянь неотступно следовал за дедом, и возможности переговорить не было.

Небо уже потемнело, вокруг горели лишь приглушенные огни. Ся Чжинянь погулял немного и уже собирался вернуться, как вдруг заметил вдали темную фигуру.

Тени деревьев сгущались, силуэт был неясным. Он тут же вспомнил тот день в больнице, когда столкнулся с двумя загадочными молодыми людьми, которые схватили его за руки, закрыли глаза и угрожали.

...На ошибках учатся, лучше уйти по добру по здорову.

Ся Чжинянь развернулся, чтобы уйти, но сзади послышался подавленный звук — низкий, хриплый, тут же перешедший в приглушенный кашель.

...До боли знакомый.

После двух секунд внутренней борьбы Ся Чжинянь спрятался за деревом и осторожно выглянул.

— Студент Ся?

Юноша прислонился спиной к стене, лицо его было бледным. Манжеты рубашки расстегнуты, на обнаженной коже запястий виднелись красные полосы.

Словно он не мог сдержаться и расцарапал сам себя.

— Это вы, Ся?

Голос Янь Цы был низким и охрипшим. Увидев пушистую макушку, выглядывающую из-за дерева, он на мгновение улыбнулся, не спеша застегнул манжеты и спросил снова.

Только что в зале его накрыла волна острой, невыносимой боли, охватившая всё тело. И это было не в первый раз.

Его кожа, его нервы, казалось, запомнили то тепло и успокоение, полученное ранее. После нескольких дней кратковременного облегчения они стали еще сильнее жаждать того же прикосновения, той же радости.

Они подталкивали его к тому, чтобы испытать границы.

К тому, чтобы забрать свое.

Янь Цы оперся одной рукой о стену, тяжело дыша. Его худощавая фигура в полумраке казалась слабой.

— Янь Цы? — Ся Чжинянь внимательно смотрел на него, вспоминая ту ночь в погребке. — Тебе плохо?

На улице слишком темно, приступ?

Янь Цы выпрямился, опираясь о стену. В его изящных движениях сквозила беспомощность, хрупкость и вместе с тем аристократизм. Он тихо ответил:

— Да, мне немного не по себе. Студент Ся, не мог бы ты помочь мне дойти?

Ся Чжинянь:

— ...Я тебя не удержу. Жди здесь, я позову кого-нибудь.

Черт, в последний раз этот черный кунжутный шарик говорил так мягко и нежно в погребке, а потом просто вырубил его.

Боль в затылке отозвалась эхом, и Ся Чжинянь поспешно собрался уходить.

— Постой.

Янь Цы окликнул его и медленно сделал шаг вперед, понимая добавив:

— На банкете полно людей, не стоит их беспокоить. У меня еще остались силы, студент Ся, просто поддержи меня немного.

Ся Чжинянь втянул голову в плечи и спрятался за деревом, выставив только глаза. Тусклый свет ложился на его нежную шею, словно холодная белая глазурь, а взгляд был настороженным и бегущим.

— Даже если там полно людей, найдутся те, кто поможет господину Яню. Я пойду поищу кого-нибудь.

В глазах Янь Цы потемнело. Он многозначительно посмотрел на удаляющуюся спину юноши и небрежно бросил:

— Студент Ся, почему ты так стараешься меня избегать? Боишься, что я сделаю с тобой что-то?

— Или, может быть, в твоей памяти... осталось то, что я уже сделал с тобой? Например... в погребке?

<http://bllate.org/book/21744/2247972>